

АННА СКИФ

МОЁ
КРИМИНАЛЬНОЕ
СЧАСТЬЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Анна Скиф

Мое криминальное счастье

«Автор»

2020

Скиф А.

Мое криминальное счастье / А. Скиф — «Автор», 2020

Инга не подозревала, на что идет, соглашаясь сначала на предложение одного опасного мужчины, а затем и второго. Ведь у нее не было выбора, за нее все решили, и она могла лишь надеяться, что одно из зол окажется меньшим. Но догадывалась ли Инга, что в бесконечном бегстве от страха она обретет не только надежного союзника, но и настоящую любовь? А знала бы, пошла бы на это? Ранее книга публиковалась под названием "Тысяча и одна ночь с монстром" Содержит нецензурную брань.

© Скиф А., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	21
Глава 4	29
Глава 5	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Анна Скиф

Мое криминальное счастье

Глава 1

– Не понимаю, – доктор внимательно изучал карту пациента. Его глаза за стеклами очков озабоченно бегали по строчкам, губы шевелились, будто он читал молитву. Наконец положив карту на стол, он посмотрел на мужчину, сидевшего на кушетке. – Никаких отклонений нет. Ты абсолютно здоров.

– Если нет отклонений, почему такое происходит?

– По моей части ничем не могу помочь, потому как помогать не в чем. У тебя все показатели в норме, хоть с медицинским учебником сверяй.

– Ты уверен? Перепроверь еще раз, – тот поднялся, прошел к столу и взял карту. Потрясая ею в воздухе, сказал: – должна быть причина. Я к тебе полгода хожу, как на работу.

– Тимур, пойми, – доктор снял очки, сунул и в карман халата, – факторов может быть множество. В плане физиологии полный порядок. У психолога был, как я рекомендовал?

– Нет! – излишне резко ответил он. – Что я телка какая к нему идти? Лечи, ты, давай.

– Двадцать первый век на дворе, – устало вздохнул доктор, – а ты все живешь какими-то предрассудками. Все, кто зарабатывает такие деньги, уже давно имеют в штате психолога, духовника и личную гадалку, на случай если первые два не справляются. Тимур, девяностые в прошлом, забудь о пацанских законах или как оно у вас там называлось?

– Не верю я им, – признался Тимур, закрывая карту, в которой все равно ничего не понимал, – шарлатаны сплошные.

– Ты про гадалку?

– Про всех сразу. Точно нет больше вариантов лечения? Может какие таблетки чудодейственные достать надо? Ты только скажи.

– Увы. Мы все перепробовали.

– И как теперь быть?

– Есть вариант разнообразить сексуальную жизнь. Обратиться к профессионалам иной области. Им ты, надеюсь, доверяешь?

– Ты про шлюх? Думаешь, я не пробовал? Все бордели объехал, от элитных до самого днища. Без толку.

– Направление мысли у тебя верное, – чуть замешкался доктор, – только стоит немного сменить ориентацию.

– Чего? Предлагаешь мужику в рот дать?

– Тебе нужно научиться слушать, Тимур. Сядь и не перебивай. Хорошо?

Мужчина кивнул, усаживаясь на стул.

– Те, так сказать, девушки, к которым ты обращался, – доктор говорил медленно, будто подбирая каждое слово, – какого рода услуги они предлагали?

– Одна гопак плясала, а вторая в член пела, как в микрофон. Что за дурацкий вопрос? Секс они предлагали, в разных позах и в любые отверстия.

– Зайдем с другой стороны. Под ориентацией я имел ввиду не то, что ты себе надумал. – Доктор понимал причину нервного состояния пациента и на его сарказм реагировал соответственно ситуации, а именно – никак. – Ты ведь знаешь о существовании свингер клубов, БДСМ вечеринках и прочем?

– Я-то знаю, – усмехнулся пациент, – но не думал, что тебе подобное интересно.

– Хватит, Тимур, – все же не выдержал доктор, – я действительно пытаюсь тебе помочь, но ты будто не хочешь... выздоравливать.

– Ладно, не обижайся. Нервы ни к черту, – Тимур похлопал себя по карманам в поисках сигарет, забыв ненадолго где находится, но под строгим взглядом осекся. – Сказал ведь, не помогло ничего. Пойду я, наверное.

– Позвони, если что изменится, – поднялся ему навстречу доктор, протягивая руку. – И извини, что не получилось. – Последнее прозвучало с едва скрываемым облегчением.

– Брось, – обернувшись на пороге, горько усмехнулся Тимур, – может я исчерпал свой лимит и не суждено мне больше познать плотских утех? Займись чем-нибудь другим, буду, так сказать, сублимировать.

В машине он наконец смог дать волю чувствам, несколько раз ударив по рулю кулаком. Мозг отказывался принимать происходящее, считая все дурным сном, из которого просто нужно выбраться, разозлиться и проснуться.

И вот здесь всплывало самое сложное.

Злиться еще сильнее он просто не мог.

Не мог пересилить себя, прыгнуть выше головы, сделать еще один рывок, которых в его жизни было неисчислимое множество. Наверное, настолько старался быть везде первым, что в итоге сломался.

Как там сказал доктор? Все из-за работы? Только вот работа теперь стоит, а член нет. А он не готов становиться импотентом в сорок лет. И вряд ли будет готов даже в семьдесят.

Взял телефон, нашел нужный контакт и почти выкрикнул в трубку, едва услышал мурлыкающе голос:

– Ты где?

– Котик, прежде всего, здравствуй. Ты почему такой сердитый сегодня?

– Много раз просил забыть звериные клички в отношении меня, – огрызнулся Тимур. – Через сколько сможешь подъехать?

– А есть предложения? – голос стал игривым, хотя в нем и проскальзывали нотки обиды.

– Есть. Он сказал, что я здоров. Приезжай, трахаться.

– Пятнадцать минут, милый, – мурлыкнула трубка и абонент на том конце сбросил звонок.

Он просидел еще какое-то время тупо пялясь перед собой, но как не прислушивался к ощущениям, так и не смог уловить изменений в своем состоянии. А ведь Яна всегда была безотказным вариантом.

Во всех смыслах безотказным.

Она могла расстегнуть ему ширинку и начать делать минет, пока заправщик заливал в бак бензин. Заправщик заправлял машину, Тимур заправлял Янку. Каждый находился на своем месте и в этом была совершенная и абсолютная космическая справедливость. Как любит поговаривать его закадычный дружок Пашка: кто на что учился!

Тимур учился на хулигана и двоечника. По крайней мере именно так называла его классная руководительница, только получившая диплом и пришедшая к ним здоровенным лбам на практику.

Он заканчивал девятый класс, она же с громкими стонами кончала на его члене после уроков. Она вообще как-то быстро сдалась его напору, даже не старалась особенно строить из себя целку. Боялась только порицания родительского комитета и, что куда страшнее, уголовного кодекса. Из кабинета они каждый раз выходили по одному, чтобы не вызывать лишних подозрений. Но его пацаны знали все. Он смаковал каждую деталь, передавал процесс в красках и подробностях, даже пытался изобразить ее стоны и просительные интонации. Дурак был, конечно, но в пятнадцать много ли у кого ума?

В конце учебного года его вышибли из альма-матер в ПТУ, где он продолжил свои похождения. Училка вроде даже осталась преподавать в старой школе и ходили слухи, что выскочила замуж за директора. Старый козел всегда был не равнодушен к молоденьким девочкам, но открыто приставать к ученицам не мог, боялся за свою жопу и кресло, в котором та самая жопа заседала.

Тимур догадывался почему молодая, красивая девчонка согласилась на явно неравный брак, но не считал себя виноватым. Он делился только с пацанами, а те вряд ли проговорились кому-то еще.

Кто на что учился...

В чем же теперь он прокололся? К каким херам ушла космическая справедливость и гармония? Не за ту ведь училку он теперь отрабатывает карму? Да и откуда у него вообще в голове слова такие появились? Какая к чертям собачьим карма?

Может и правда гадалку нанять? У других есть, а он чем хуже?

Из размышлений выдернул сигнал пришедшего на телефон сообщения:

«Я на месте. Ты где?»

«Еду», – отбил коротко и нажал кнопку запуска двигателя.

– Не могу больше, челюсть болит, – заныла Яна, поднимаясь с колен. – Твой доктор точно ничего не напутал?

Тимур никогда не поднимал руку на женщину, у него даже мыслей подобных не возникало. Ударить женщину может только трус и слабак. Но в тот момент кулаки так и зачесались.

– Пошла вон, – тихо произнес он сквозь зубы, но Яна вздрогнула и вскочила на ноги, прикрывая оголенную грудь смятой блузкой.

– Тимурик, ты чего? – она смотрела расширившимися глазами на мужчину, переводя взгляд с нахмурившегося лица на сжатые кулаки и обратно. – Поняла, ухожу.

«И чего тебе не хватает?», – подумал про себя Тимур. – «Янка всем хороша и понимает все с полуслова. Поднимайся, сволочь!»

Девушка тем временем встала на колени, выискивая под кроватью свои колготки. Специально или нет, но она так соблазнительно двигала аккуратной попкой, что мужчина не удержался, потянулся к ней рукой, но в последний момент одернул, словно обжегся, а после с какой-то злобой и даже ненавистью посмотрел себе между ног.

Пока Янка ползала, надеясь разжечь в нем страсть, Тимур поднялся, натянул джинсы и вышел на кухню. Включил чайник, закурил, выпуская дым в открытое окно.

– Кот... Тимур, – Яна вошла в кухню полностью собранная, – проводишь меня?

– Ты на такси? – Ему было плевать как она добралась до его дома, просто старался поддерживать беседу, как обычно делал после пары часов, проведенных с любовницей в спальне. Что-то вроде его личного ритуала, создававшего некую видимость нормальности. И вроде ничего не изменилось. Даже время прошло почти такое же, но Яна стоит недовольная, мнется и будто сама не знает, как уйти, чтобы и в ее мире все оставалось нормальным.

– Нет, – пожалала она плечами, – вчера забрала машину из сервиса. Ты не видел, что я из нее выходила?

– Ян, давай как-нибудь сама. – Тимур раздавил наполовину выкуренную сигарету в пепельнице и только потом понял насколько двусмысленно прозвучали его слова.

– Позвонишь?

– Да и уйди, ты наконец! – внезапно сорвался он, парой шагов преодолев разделяющее их пространство и нависнув над девушкой подобно коршуну над мелкой добычей. Понял, что перегнул, попробовал исправить положение: – Я устал, извини. Неделя выдалась не простой.

– Я поняла. Пока, Тимур.

«Ничего ты не поняла!» – подумал он и услышав, как за несостоявшейся любовницей захлопнулась дверь, выдохнул с облегчением.

Никогда прежде Тиму не ощущал себя настолько раздавленным и униженным. Янка, конечно, не дура и языком трепать не станет, но все же гадливое ощущение его не покидало. Придется, когда восстановится, так ее отодрать, чтобы неделю сидеть не могла, а ходила исключительно в раскоряку. В том, что восстановится, он не сомневался. Нужно время и, как там сказал доктор, сменить ориентацию.

Да, Тимур злился на врача и едва не заехал в челюсть, услышав подобное. И пусть потом все разъяснилось, он уже завелся.

В какой-то момент он решил, – чем черт не шутит! – и все же забил в поисковике браузера название видео определенного характера. С первых же кадров его едва не стошнило, какой уж тут стояк! Представить, что к нему даже прикоснется другой мужик с намерением продолжить общение в горизонтальном положении, Тимур не мог. От сердца отлегло.

Он расхаживал по комнате загнанным зверем и никак не мог заставить себя заняться делами. Работа действительно простаивала и его присутствие хотя требовалось теперь не в режиме нон-стоп, но все же совсем забить не получалось.

Да и не хотел он забивать.

Тимур не понимал, как другие могут спихнуть все на управляющих и продолжать прожигать жизнь, тратя приходящие на счета деньги. Он пробовал и продержался ровно две недели. Ровно столько продлился его отдых в Греции, куда он полетел с очередной куклой без имени, зато с большими сиськами и накаченными губами. Имя у куклы все же было, может быть даже Янка терлась рядом все четырнадцать дней, но память напрочь отбило.

Помнилось одно – он начал чувствовать себя ничем не лучше той куклы, падкой на чужие капиталы. Будто примерил шкуру содержанки, готовой открывать рот и раздвигать ноги по первому требованию за очередное эсэмэс-сообщение о пополнении банковской карты.

Нет, он не осуждал тех, кто так живет, просто не мог позволить подобную роскошь себе. А ведь когда-то мечтал именно о том, что, перешагнув определенный рубеж доходов именно так и поступит, свалит в туман, пока другие распоряжаются его делами.

Не получилось.

У Тимура имелось свое объяснение на этот счет. Он начинал вести дела в те самые девятые, которые теперь принято называть лихими. Только подобное словечко мог подобрать лишь законченный идиот или романтик, родившийся лет через десять после того времени. Лихими или даже шальными были деньги, не помещающиеся в модные тогда барсетки, а то вдруг стягивающие горло петлей и прожигающие дыру паяльником в твоей собственной туше от навалившихся долгов. Лихой была и сама жизнь, способная оборваться в любой момент.

Тогда тебя мог подставить твой же партнер, натравив отморозков и никакие менты не помогут. В разваливающейся и растасканной по кускам стране не оставалось никакой власти, кроме власти денег.

Тимур до сих пор вспоминал то время с содроганием, но оттуда пришло понимание, что никто не сделает твою работу лучше, чем ты сам и даже самые близкие люди на поверку могут оказаться предателями с ножом в рукаве, который при удобном случае застрянет у тебя под лопаткой.

Теперь бывшие «быки» сидят в лучшем случае в охранных агентствах, а в худшем занимают высокие посты все в тех же правоохранительных органах. Изменилось время, изменились люди, но инстинкты никуда не пропали. Тимур с лёгкостью определял теперь тех «бывших и заслуженных» переодетых в чистые отглаженные рубашки да дорожные костюмы.

Ему тогда было чуть больше двадцати, его взял под свое крыло один из авторитетов Рудый. Тимур считал крутого мужика своим отцом, а ведь, даже имени настоящего его не знал.

Зато Рудый научил его всему и дал толчок к развитию. Он-то debil еще и пацанов подтянул, хотя не раз слышал от названного отца про их гнилые сущности.

Не верил.

В грудь себя бил, защищая всех сразу и каждого по отдельности.

Пацаны же, почуяв запах шальных денег быстро скурвились. Кто-то полег в разборках, которые выглядели совсем не так, как принято представлять в книгах и фильмах, якобы основанных на реальных событиях. Там клали всех валом, не понимая где свой, а где чужой.

Пуля-дура, так и они умом не блистали, когда лезли напрямиком в пекло.

Иные просто спились, кто-то загнулся от венерических болячек, а те, что выжили, при самом лучшем раскладе живут теперь на нищенские зарплаты и костерят «проклятые девяностые», оставившие их на обочине судьбы.

Их с Рудым пути разошлись в само начале нулевых. Бывший наставник занялся грязным бизнесом, оправдывая себя тем, что настали непростые времена и нужно подстраиваться, выкручиваться.

Под выкручиваться он понимал совсем не то же самое, что Тимур. Рудый собрал девочек со всех сторон бывших союзных республик и устроил первый в их городе бордель под прикрытием салона эротического массажа. До него таких мест было не сосчитать, но он стал флагманом на пути легализации подобного бизнеса.

Тимур не был идиотом и прекрасно понимал, чем занимаются работницы подобных заведений, ему было противно даже думать о каком-то своем причастии к подобному и тогда он напрочь отказался от доли. Кусок предлагаемый Рудым был не просто лакомым, кто-нибудь другой на месте Тимура откусил бы дающую руку по локоть. Он же отошел в сторону лишь ощутив тухлый душок от протянутого «угощения».

Больше о названном отце он не слышал, а через пару лет уехал поближе к столице и основал строительную компанию.

Тимур не думал насколько сложно идти в одиночку. Сколько раз он падал, разбивая колени, расшибая в кровь лоб, но всякий раз находил в себе силы подняться и идти дальше.

Так неужели в этот раз придется пасовать? В голову полезла еще одна предательская мыслишка, мол, здоровье не купишь, но от нее Тимур благополучно отмахнулся.

Доктор подал ему идею, которую там, в кабинете он отверг, как не состоятельную, но теперь, рассуждая о прошлом, неожиданно набрел на решение своей проблемы. И тут уж либо пан, либо пропал.

Вспомнились собственные похождения по борделям, где за каждой закрытой дверью, за любой шторкой, ему мерещился образ Рудого.

Проституток Тимур презирал и приходилось буквально наступать себе на горло ради выздоровления.

Кого он хотел найти среди жриц любви, сам до конца не понимал. Но хоть одна должна была разжечь пламя в его чреслах. Иногда девушек было несколько одновременно, но в конечном итоге они отходили в сторону и разве что плечами виновато не пожимали.

Когда закончились элитные заведения, пришло время разного шлага, куда он ступал с чувством брезгливости и омерзения. Здравый смысл твердил, что все это ерунда и лучше послушав совета, отправиться к психологу. Но психологов Тимур презирал куда сильнее проституток. Вторые хотя бы предоставляли осязаемые услуги. К тому же, среди них, встречались девочки с профильным образованием.

Оставался самый последний шанс. Он до конца сопротивлялся и верил, что сможет справиться сам. Призрак Рудого все же нагнал Тимура и, преодолевая космические перегрузки, Тимур разыскал старого лиса.

Рудый имел поистине дьявольский талант и мог вырастить из гнилого семени золотой колос. Тимур лукавил, говоря, что ничего не знает о бывшем партнере и учителе. Отголоски

подвигов Рудого докатывались и до него. Тем более, оказалось, что один из филиалов его адского бизнеса располагался в том же городе, где много лет назад обосновался сам Тимур, рассчитывая начать все с нуля и забыть о прошлом.

Это были уже не просто массажные салоны «с продолжением», а закрытые, сверхсекретные клубы «только для своих», предоставляющие состоятельным клиентам услуги по истине фантастические.

Тимур и раньше знал о странных забавах богачей, с радостью переодевающихся в бомжей и таскающихся по свалкам в поисках еды; про добровольные отсидки в тюрьмах с настоящим режимом, без всякого «блата»; даже о сафари слышал, где в качестве жертв выступали самые настоящие люди и их смерти тоже были настоящими.

Ничего из вышеперечисленного Тимура не интересовало. Его привлекало нечто иное. Рудый из сентиментальности или ностальгии по старым временам организовывал таким же тоскующим как он сам туры в прошлое.

Нет, он не изобрел машину времени, но за определенную сумму, которую даже называть вслух неприлично, мог организовать полное погружение в эпоху малиновых пиджаков и первых мобильных телефонов, называемых тогда не иначе как «сотовые».

Суть состояла в том, что так можно было будто бы отмотать годы назад, снова почувствовав себя двадцатилетним, а бонусом изнасиловать красивую девочку, которая, конечно же посвящена в происходящее, но больно ей будет по-настоящему. Кричать и сопротивляться она станет так, как было бы поймай ее и в самом деле маньяк в подворотне.

Та самая кукла без имени, которую даже можно слегка поломать при желании.

Проститутки в самых изысканных заведениях не могли изобразить жертву, как бы не старались. Где Рудый брал своих девчонок тайна за семью печатями. Однако, судя по отзывам, передаваемым шепотом и в темноте, недовольных клиентов до сих пор не было.

Способ такой ему подсказала одна из тех самых шалав с образованием. И что их только толкает на подобные подвиги? Может и не зря Тимур презирает мозгоправов, раз многие из них не смогли устроиться на нормальную работу, предпочтя зарабатывать продажей собственного тела.

– Я кастинг не прошла, – жаловалась она. – Туда девочек совсем без опыта берут, насколько поняла. Я конечно прикинулась овцой, но там все строго. Не удивлюсь, если у них на каждую шлендру картотека имеется. Это только кажется, что город большой, на самом деле все через шесть членов знакомы. Понимаешь, о чем я?

Тимур не понял, но кивнул, сосредоточенный на процессе «исцеления», который никак не срабатывал, а девка продолжила:

– Теория такая есть, – она словно забыла за что ей платили и использовала язык не по назначению. – Каждый на земле знаком друг с другом через цепочку рукопожатий. В среднем как-то подсчитали и вышло пять человек, ты – шестой. Только в моей работе не рукопожатия, а минеты.

– Хватит, – оттолкнул ее Тимур, натягивая брюки.

– Не понравилось? – Та, что секунду назад стояла на коленях обиженно поджала губы.

– А сама не заметила? Не бери в голову. Врач сказал, что явление временное, я просто проверить решил.

– Расскажешь?

Уж чего в ней было такого, что немедленно развязало язык уже самому Тимуру, неизвестно, но он вывалил все и ему даже полегчало. Немного.

Тогда-то он и узнал об «особенных» услугах.

– Мужик всем заправляет, Рудый кличка. Под шестьдесят ему уже, но до сих пор своей империей рулит. И девок поговаривают собирает как на субботник, сразу толпой. Ни одну еще не обделил.

О мужской силе Рудого Тимур знал. Об этом легенды ходили еще в приснопамятные девяностые. Проститутки из-под него едва живые выползали. Так может судьба ему послала эту болтушку? Вдруг Рудый знает какой-то секрет?

Исходя из чего, он сделал вывод будто секрет откроется и ему Тимур не анализировал, просто действовал по предлагаемым обстоятельствам и плыл по течению.

Позже, конечно, передумал, посчитав, что проститутка запудрила ему мозги, не желая возвращать деньги за плохо сделанную работу, но в итоге все же принял непростое решение попробовать.

Терять уже точно было нечего.

Глава 2

Инга брела вдоль набережной, слышала вокруг смех, громкие голоса, детские счастливые выкрики и не понимала, как люди могут продолжать радоваться, когда жизнь дала трещину. Неужели они не понимают насколько все ужасно и нет никакого выхода?

Почему они так себя ведут?

Ответ был простым и очевидным. Это ее жизнь сломалась, ей придется справляться с теми последствиями, что ждут их семью. Люди даже не знают о случившемся и скорее всего даже не замечают девушку с печальным лицом, едва переставляющую непослушные ноги.

Взойти на парапет отделяющий набережную от реки, встать на самый край, так, чтобы видеть собственное отражение в темной воде, а потом просто шагнуть вперед и покончить со всем.

Будет больно. Но та боль продлится какое-то время, совсем короткое и закончится разрывающейся вспышкой в груди.

Если не сделать, боль тоже будет. Но у этой боли уже нет срока давности и сколько она может продлиться никто не скажет, не даст никаких гарантий.

А голоса все звучали. Они меняли тональность и вроде даже стали ближе. В тягучей патоке монотонного звука Инга смогла вычленить одно слово: «смотрите» Почему-то оно показалось самым важным, главнее всех прочих слов.

Инга тоже посмотрела.

Сначала в темную воду, откуда на нее уставилась растерянная девушка с бледным, особенно четко выделяющимся на почти черной поверхности, лицом, а потом и вокруг.

Голова закружилась, Инга оступилась, теряя опору. Отражение раскрыло рот в немом крике, и она зажмурилась, чтобы больше не смотреть. Тем более, что уже никто не призывал к этому, наступила зловеющая, давящая на уши тишина.

Инга ждала боли, взрыва за грудной клеткой и вкуса речной воды во рту.

Ничего такого не случилось.

Она даже расстроилась, что умирать совсем не страшно и если прознают другие, то будут идти на смерть сознательно по любому пустяку. Хорошо, что она уже никому не расскажет.

– Да она пьяная небось! Или еще чего похуже. А тут дети, между прочим!

Голос ввинчивался в уши острым штопором. Инга хотела закрыть уши ладонями, но не смогла, руки ее не слушались. Кто-то крепко держал ее, заключив в кольцо объятий, шептал на ухо:

– Тише, уже все хорошо, – говорил мужчина, лица которого Инге так и не увидела. Она вообще не могла пошевелиться толком из-за жесткой фиксации. – Скоро приедут специалисты и помогут вам.

– Отпустите. – Не попросила, потребовала. Мужчина как-то легко поддался и разжал стальные тиски. – Я не сумасшедшая и помощь мне не нужна.

Перед глазами плясали разноцветные пятна, рассмотреть сгрудившихся вокруг зевак никак не получалось, взгляд не фокусировался.

Инга все же зажала уши и побежала.

Никто не пытался ее догнать или остановить, а она не оборачивалась, боясь рассмотреть тех, в чьих глазах предстала свихнувшейся алкоголичкой.

Она просто бежала, не разбирая пути, когда почувствовала удар в бедро: сильный, резкий, неожиданный. Кажется, ее отбросило в сторону, и, падая, она разодрала ладони об асфальт.

Глупая, ведь всего несколько минут назад была готова к страшной боли, а тут разревелась, сидя на земле и рассматривая, как ссадины наполняются кровью.

– Жива?

Снова мужской голос. Только совсем другой. Тот на набережной казался испуганным, заискивающим, будто бы виноватым. Этот же сразу давал понять, что его обладатель уверен в себе и в каждом произнесенном слове, возможно, именно поэтому экономит их теперь.

Инга уже поняла, что ее сбила машина и над ней теперь нависал тот, кто сидел за рулем. В отличие от того на набережной этот мужчина не пытался даже примерить на себя маску раскаяния. Его лаконичное «жива?» о многом говорило за своего обладателя. Ему похоже плевать на содеянное. Подумаешь какая-то курица сунулась под колеса.

Сама виновата!

Инга не на секунду не сомневалась в правильности своих мыслей. Не нужно быть ясно-видящей или хотя бы практикующим психологом, чтобы понимать подобные вещи.

– Помогите мне подняться. – Злость на говорившего смешалась с болью и ненавистью ко всему миру. А этот сам виноват, что наехал на нее. – Ну же!

К ней никто не подошел. Инга повернула голову, солнце ярко светило в глаза и фигура стоящего перед ней мужчины казалась темной и какой-то инфернальной. Он сунул руки в карманы брюк и просто наблюдал.

Ничего не оставалось, как попытаться встать самостоятельно. Но при первой же попытке Инга вскрикнула от прострела в лодыжке.

«Только бы не перелом!» – взмолилась она, сильнее стискивая зубы.

Какая же она идиотка!

Как могла даже мысль допустить о том, чтобы что-то с собой сделать?! Хотела уподобиться отцу, бросившему их с мамой в самый сложный момент, который сам же им и обеспечил?

Дура!

«Соберись, Инга!» – уговаривала она себя, но боль никак не позволяла встать, чтобы бы быть с напыщенным индюком на равных.

Хотя, даже вытянись она во весь рост, вряд ли достанет макушкой до его груди. Может из ее положения мужчина казался великаном, но мало вероятно, что положение сильно поменяется, стоит ей подняться.

Совесь в мужике проснулась или Инга просто мешала ему проехать, развалившись посреди дороги, но она вдруг ощутила, как ее подхватили под мышки, дергая вверх. Она, конечно, была худенькой и весила всего ничего, особенно в последние пару месяцев, но человек должен ощущать некое сопротивление.

Мужчина словно и не заметил ее веса.

Однако, в какой-то момент напрягся. Напряжение Инга ощутила отчетливо, а еще его ставшее шумным и частым дыхание.

Что случилось? Отчего такая реакция? Может у него аллергия на парфюм или скорее на добрые поступки?

Она так и висела в неопределенном положении некоторое время, только теперь заметив странность. Никто не сигнализировал, не требовал освободить проезд. Инга, насколько позволяло ее положение, осмотрелась по сторонам и едва не задохнулась от возмущения.

Оказалось, ее сбила машина на тротуаре!

Серое полотно шоссе находилось в стороне и пусть трафик в это время дня не особо плотный, все же мимо проезжали автомобили. Некоторые притормаживали, как надеялась Инга, для предложения помощи, но потом быстро жали на газ и скрывались из поля зрения.

– Вы в своем уме? – Извернувшись, она уставилась в глаза своего обидчика, на секунду онемев. Мужчина оказался невероятно хорош собой. Таких она раньше видела лишь на постерах в глянцевых журналах и тихонько вздыхала, мечтая встретить одного из них реальности. Когда-то. Не иначе как в прошлой жизни. Теперь не испытала ничего, кроме злости и обиды. Злость – на мужчину за вопиющее поведение. Обиды на судьбу, которая решила исполнить ее

желание в самый неподходящий момент. Инга не планировала «растворяться» в его глазах и «тонуть в море обаятельной улыбки», как поступают героини книг. Она хотела поскорее убедиться, что может передвигаться самостоятельно и вернуться домой. – Что вы вместе со своим авто делаете на пешеходной зоне?

Мужчина подозрительно молчал, не делая попыток окончательно поставить Ингу на ноги.

– Помогите мне, наконец! – окончательно не выдержала она. – Надоело висеть мешком.

– Ты как это сделала?

Вопрос вывел Ингу из себя окончательно:

– Как я сделала что? Шла, как и положено по тротуару, будучи уверенной в собственной безопасности? Или по вашей версии я сама прыгнула на капот? Думаете, если у вас есть деньги, любые законы начинают работать как-то иначе?

С недавних пор она испытывала настоящую ненависть к богачам. Из-за одного такого пострадала ее семья. Отец не смог расплатиться с долгами, взятыми у влиятельного человека и...

Даже думать о таком оказалось больно, и Инга переключила все свое внимание на удер- живающего ее наглеца:

– Пустите, я как-нибудь сама!

– Не понимаю, – неуверенно сказал он и одним легким движением предал Инге верти- кальное положение.

– Ой, больно! – пискнула она при попытке сделать первый шаг и осела на асфальт.

Почти осела. Все те же руки подхватили ее, но куда более требовательно и ...интимно. Одна скользнула под сгибом ног девушки, вторая обвила спину чуть ниже лопаток.

Ее подняли на руки и куда-то понесли!

Растерявшись, она обхватила могучую мужскую шею, но быстро убрала руки, скрестив их на груди. Еще и кулачки сжала для пушей убедительности, мол, не имела ввиду ничего такого. Она просто опасалась, что мужчина ненароком ее уронит. Совершенно напрасно, между про- чим, опасалась. Силы в нем хватило бы на троих таких Инг.

Куда именно ее понесли, выяснилось быстро. К красной хищной морде припаркованного монстра с прищуренными глазами-фарами.

Инга даже возразить не успела, когда открылась дверь со стороны пассажира и ее саму усадили внутрь, захлопнув следом дверь.

Принц на красном коне решил ее похитить, а она как-то смиренно приняла его волю, устав сопротивляться.

Оцепенение, охватившее Ингу, спало с первыми звуками ожившего двигателя.

Она закричала. Начала дергать ручку двери, оказавшуюся заблокированной.

За окном полетели быстро сменяющиеся картинки улиц города.

Инга быстро поняла, что за человек находился перед ней. На несколько мгновений она задержала взгляд на его точеном профиле и только потом спросила:

– Вы от Ивана Дмитриевича? – Не спросила даже, просто констатировала факт. Другого объяснения не нашлось. По крайней мере логичного. – Если не ошибаюсь, нам дали два месяца на... решение проблемы. Что-то изменилось?

Он даже не посмотрел в ее сторону, но Инга заставила себя поверить, что все именно так и не иначе. Верить в принца на красном коне не получалось, хоть тресни.

– У меня нет денег, – сказала твердо, хотя, к горлу подбирался тугой ком. – И взять их неоткуда. Передайте Ивану Дмитриевичу, что мы выставим на продажу квартиру, но даже в таком случае придется подождать. Иначе, уйдет за бесценок, и полученная сумма не покроет суммы обязательств. Да не молчите, вы! Я для кого здесь распинаюсь?

– Если ты закончила, я отвечу.

– Что за манера «тыкать» незнакомой девушке? – Инга понимала, не в ее положении дерзить и взывать к нормам приличия. Однако ее уже несло и остановиться никак не получалось. Но сделав над собой усилие, выдохнула: – Я закончила. Говорите.

– Благодарю, – саркастично ответил мужчина, сворачивая на узкую улочку. Инга не боялась, будучи уверенной, что убивать ее уж точно никто не станет. Не те деньги. Это для них с мамой выставленный счет – целое состояние, а для людей, требующих его с двоих несчастных женщин, сущие копейки. Да и как взыскать долг с покойника? Тот-то же. – Так вот я не знаю никакого Ивана Дмитриевича – раз. Ты... простите, вы, сама бросились под колеса – два. Везу я тебя, точнее вас, в травмпункт, чтобы сделать рентген. Или что там положено в подобных случаях?

– С чего бы такая щедрость? Бросили бы меня умирать на дороге. Только вот сбили, вы меня не на дороге, а въехав на тротуар!

Инга заметила, как побелели костяшки пальцев, сжавших руль. Сердце пропустило удар. Ну вот чего нарываешься? Видишь ведь, мужик на взводе!

– Послушай... вы, – не поворачивая головы почти прорычал мужчина, – закрой рот и посиди смирно еще пять минут. Иначе к ушибленной ноге может прибавиться свернутая челюсть. Устраивает такая перспектива?

Она замолчала, обиженно засопев. Хотя, какая может быть обида на бандита? Точнее, какой именно реакции она ожидала, что он бросится ее утешать и извиняться? Инга для него живая мишень, в которую он с удовольствием выстрелит, получив соответствующую команду. Или как у них принято расправляться с теми, кто не исполняет взятые на себя обязательства?

Но ведь она ничего не брала. И мама не брала тоже. Отец сам обратился к тому человеку, хотя понимал в каких кругах его кредитор вращается и какие дела проворачивает.

В тот злополучный день Инга не хотела подслушивать, она даже из комнаты выходить не планировала. В наушниках громко играла музыка, когда ее будто ткнули между лопаток. Она вздрогнула оборачиваясь.

Мама стояла в дверном проеме, прижимая ко рту носовой платок. Глаза ее покраснели, чуть припухли. Мама плакала.

– Что случилось? – снимая наушники, спросила Инга. – Почему, ты плачешь?

– Я не плачу, доченька, – улыбнулась мама вымученной улыбкой, – лук резала, вот глаза слезятся.

– Мам, оставь глупые отговорки для папы. – Инга поднялась из-за компьютерного стола, подошла к маме и положила руки ей на плечи. Роста они были примерно одинакового, но мама все равно казалась чуточку ниже из-за того, что постоянно сутулилась, будто бы боялась выпрямить спину. – Он с большим удовольствием сделает вид, что поверил тебе и сядет на диван у телевизора. Рассказывай, что случилось.

– Я же сказала, все в порядке, – неожиданно резко и даже грубо ответила она, поведя плечами, желая избавиться от объятий дочери. – Идем ужинать.

– Фиса, ты чего там? – Крикнул с кухни отец. Он всегда называл жену дурацким сокращенным именем, хотя, мама звалась красиво – Анфиса. – Стынет все.

– Иду! – отозвалась мама, стараясь незаметно промокнуть уголки глаз платком. – Инга, мой руки и за стол.

Плохой признак. Мама всегда называла ее «дочка», «доченька», в крайнем случае «дочь». Если вдруг произносила имя, да еще с такой интонацией, будто отчитывала за что-то, становилось ясно, она чем-то недовольна или обеспокоена.

Инга точно не сделала ничего плохого, выходило, что маму расстроил кто-то другой. Вряд ли папа. Они почти не ругались. Мамины слезы Инга и вовсе видела всего однажды на похоронах бабушки.

Она прошла в ванную, включила воду. Сама же тихонько выскользнула и на цыпочках прошла ближе к кухне, надеясь, что родители разговором выдадут себя.

Инга не ошиблась.

Сначала было тихо, но потом она услышала тихое папино:

– Да в ванной она, не мельтеши. И вообще, я сказал, что разберусь, значит, разберусь. Чего разревелась сразу?

– Антоша, – мама не таясь всхлипнула, – криминал же, а у нас Инга.

Упоминание собственного имени резануло слух.

– И что Инга? – зашипел папа. – Она тут вообще ни при чем! Суп выключи, через край уже льет.

– Ты сам знаешь, о чем я. – Щелкнула ручка газовой плиты, звякнули ударяясь друг об друга тарелки. – Рудый свои капиталы не на заводе заработал. У него таких девчонок...

Дальше мама не договорила. Послышались сдавленные рыдания, а затем громкий окрик отца:

– Инга, ты где там застряла? Сколько тебя ждать можно?

Она едва не выдала себя, почти сказала, что уже здесь, но вовремя опомнилась и вернувшись в ванную, быстро ополоснула руки и поплескала в лицо водой.

Оказалось, она сильно побледнела.

Родители скрывали от нее нечто важное и ей нужно было узнать, что именно. Но как? Просто спросить? Вряд ли они с удовольствием откроют все секреты. Если бы хотели, не скрывали бы. Но дело явно серьезное. И кто такой Рудый? Это вообще фамилия или прозвище?

Ела Инга без аппетита, постоянно косясь на родителей. Вот только вели они себя совершенно нормально и никак не проявляли хоть каких-то эмоций, за которые можно было бы зацепиться.

Кто такой Рудый, она узнала очень скоро. Только знание это не принесло ей никакой радости.

И вот теперь она ехала в машине с совершенно незнакомым мужчиной, посланным по ее душу. В случайное появление «принца» Инга по-прежнему не верила, старалась не смотреть в его сторону и молчала.

Когда машина остановилась, она с удивлением увидела вывеску «Травмпункт» Ее привезли не в обычную больницу, а в платный медицинский центр.

– У меня нет денег. – Инга не пыталась вызвать к себе жалость. У нее действительно не было с собой денег, только паспорт в кармане джинсовой курточки. – Почему, вы не отвезли меня в городскую больницу?

Мужчина, ничего не ответив, вышел из машины, обошел и дернул дверь со стороны Инги. Она испуганно вжалась в сиденье. Теперь точно нечего бояться, но она все равно боялась. У мужчины был такой взгляд, от которого хотелось спрятаться, забиться в угол и не выходить, пока не стихнет звук его удаляющихся шагов.

– Сама выйдешь? – Спросил вроде спокойно, почему же тогда позвоночник Инги пробрало ледяным холодом? И почему она мотает головой, как лошадь на выпасе? Одно ясно совершенно отчетливо, сама она точно не выйдет. Как можно выйти, если примерзла к кожаному покрытию и вообще едва можешь дышать?

– Понятно, – зачем-то усмехнулся он, склоняясь к Инге. – Будет больно, скажи.

Больно не было.

Было приятно.

Второй раз за день ее брал на руки красивый, сильный мужчина.

Второй раз в жизни ее носили на руках.

Досадно, что несут всего лишь на рентген. Да и тот, кто несет, отъявленный негодяй и бандит.

Инге никогда не везло на мужчин. Теперь не повезло снова.

А жаль.

Она так мечтала, чтобы этот момент растянулся на как можно дольше и одновременно гнала от себя такие мысли, что не заметила, когда ее вновь поставили на ноги. Буквально опустили с небес на землю.

От боли Инга не закричала лишь из соображений соблюдения приличий, ведь в длинном коридоре, казенно-белом и кажущимся холодным, на обтянутых дерматином диванчиках, сидели такие же бедолаги, как он сама.

Выбрав свободное место, Инга на одной ноге допрыгала до него и села, опираясь о стену. На мужчину, так и не двинувшегося с места, чтобы помочь ей, она старалась не смотреть.

Получалось плохо.

Она видела, что он стоит, сунув руки в карманы брюк и о чем-то напряженно думает. По крайней мере, серьезная мина на его лице выражала что-то похожее на мыслительный процесс. Но стоило ему скосить взгляд в ее сторону, как Инга резко перевела внимание на первого попавшегося человека. Им оказался довольно молодой парень, вряд ли старше нее самой, ему было максимум двадцать три, может, двадцать четыре года. На его лице сияла широкая улыбка, при том, что одна рука у него оказалась зафиксирована подвязкой и поводов для веселья вроде не наблюдалось.

Парень подмигнул Инге и ей пришлось спешно отвернуться. К тому же в тот самый момент до ее слуха донеслись крики и брань.

– Я не меньше вашего пострадала! – разорялась женщина в линялом сарафане. – Сказано в порядке живой очереди, вот и ждите, когда ваша подойдет!

Она даже не сомневалась, что, а точнее кто стал источником конфликта.

С трудом поднявшись, Инга снова была вынуждена скакать на одной ноге, дабы успокоить женщину и объяснить мужчине, с которым та ругалась, что более в его услугах не нуждается и дальше как-нибудь сама.

Собственно, все заготовленные доводы застряли у нее в горле, когда он, не произнеся ни звука, в очередной раз подхватил ее на руки и буквально с ноги распахнул дверь в кабинет врача, внося Ингу внутрь. Она даже среагировать не успела.

Захлопнувшаяся дверь отсекала истеричные крики тетки в сарафане.

– Не собираюсь тратить время за свои же деньги.

Не понятно кому адресовалась фраза, но замолчали и ошалевший доктор, и Инга. Маловероятно, что его остановил бы тот факт, что здесь все заплатили за прием, но все равно сидят в общей очереди и ждут.

Такие как он привыкли получать все и сразу. А недовольных или сопротивляющихся легко убирать с пути, как нечто незначительное, вроде камешка в ботинке, остановился, вытряхнул и пошел дальше.

Инга точно такой же камешек, только чуть острее других и с ним придется повозиться немного дольше. Итог все равно один.

Мужчина уложил ее на кушетку и коротко бросил:

– Лечи.

После чего спокойно вышел из кабинета, аккуратно прикрыв за собой дверь.

– Простите, – залепетала, Инга, глядя на средних лет доктора. Тот уже взял себя в руки и подошел к кушетке.

– Слушаю вас. – В голосе сталь. Он явно недоволен поведением пациентки и скорее всего уже повесил на Ингу ярлык одной из тех взбалмошных особ, считающих себя королевами за счет богатеньких мужей. Зачем-то пояснил: – Пациентов много после майских праздников, коридор забит. Обычно нет такого наплыва.

– Нога, – коротко ответила Инга, чуть приподняв пострадавшую конечность. Впадать в пространные обсуждения не хотелось, все равно не поверит. А сегодняшняя их встреча будет первой и последней.

– Будет больно, скажите.

Простые слова заставили сердце сжаться, а саму Ингу кивнуть, сглотнув тягучую слюну.

– Да, здесь болит. – Доктор ощупывал место повреждения без лишних церемоний, почти механическими, выверенными движениями. – Я упала, когда дорогу переходила.

Инга сказала это не просто так. Отчего-то ей не хотелось, чтобы мужчина, ожидающий в коридоре, пострадал из-за нее. Странное чувство. Он сбил ее своей дорожкой тачкой, а она боится, что ему за такое выпишут штраф. Вряд ли грозит более суровое наказание, но даже его он не заслужил, как казалось ей.

Почему? Она не понимала собственных умозаключений. Под ними не было никакой логичной базы. Просто знала, что все именно так и никак иначе.

В конце концов мужчина может быть просто наемным сотрудником, не знающим какие страшные вещи, творит его работодатель.

Верила ли Инга в сделанные выводы, она пока не решила. И почему теперь стремиться его оправдать тоже не очень понятно. Может ей просто надоело не доверять людям и бесконечно разочаровываться в них? После предательства самого близкого такое вполне оправдано.

Папа предал их.

Уничтожил одним лишь своим трусливым поступком, за который расплачиваться придется ей. Нельзя давать в обиду маму. Она не заслужила всей этой грязи. Она всегда любила своего мужа и была для него примерной женой и хозяйкой. За что он отплатил ей черной неблагодарностью.

– Не вижу ничего криминального. – Инга так крепко задумалась, что вздрогнула от слов доктора и несколько секунд смотрела на него и будто не видела. – Рентген все же сделать нужно, для исключения некоторых неожиданностей. Сейчас позову сестру, вас отвезут.

– Я сама! – Инга уперлась ладонями в кушетку, пытаясь подняться. Доктор мягко надавил ей на плечи, пресекая попытку. – В чем дело? Я действительно могу добраться сама.

– Сидите.

Она все поняла по голосу доктора. Он явно не первый раз сталкивался с пациентами вроде нее. И пусть теперь ошибался на счет Инги, все равно подстраховывался. Она и сама не знала, как может среагировать тот, кто стоит за дверью, поэтому послушно кивнула.

Когда ее вывезли из кабинета, Инга не сразу увидела нужного мужчину и даже выдохнула с облегчением. Но уже в следующую секунду разозлилась. Мог бы дождаться, когда ей поставят диагноз и уже тогда уходить.

Трус!

Ее долго везли по хитросплетениям больничных коридоров, точно по каким-то запутанным туннелям. Инга подумала, что сама ни за что не выберется отсюда и нужно будет попросить медсестру проводить ее обратно.

– Сложно вам, наверное, вот так возить больных? – спросила Инга, не поворачивая головы. Ей было немного дискомфортно за то, что ее вполне себе здоровую, если не считать ушибленной ноги, везет хрупкая девушка.

– Понятия не имею.

От раздавшегося голоса она едва не выскочила из коляски, чтобы бежать со всех ног. Пусть даже одна из них повреждена.

– Вы? – Инга вывернулась едва ли не всем телом, только чтобы убедиться, что она права и ей не почудилось. Вдруг доктор на нее разозлился и вколол какой-нибудь препарат, от которого у нее теперь галлюцинации? – Почему не оставите меня в покое? Я ведь уже сказала, что верну деньги, как-только они у меня будут.

– Тише, – попросил мужчина, сворачивая в очередное ответвление, – вам нельзя много говорить.

– Я повредила ногу, а не голосовые связки!

– Это не рекомендация, а моя личная просьба. – Наверняка, если бы она сейчас стояла, ноги у нее уже подкосились бы. – Сейчас найдем у кого спросить правильный путь, а пока ответьте мне на один вопрос.

– На каком основании вы так со мной разговариваете?

– Напоминаю правило о чрезмерной болтовне. Берегите себя, не произносите лишнего.

Стало страшно. По-настоящему страшно. В гулких помещениях им так никто и не встретился. Инга вообще подозревала, что они каким-то образом спустились в подвал или даже в морг.

– Мой вопрос звучит так, – проигнорировав ее возмущенное шипение, продолжил мужчина, – откуда вам известно имя Рудого? Только не надо сочинять, я все равно узнаю правду, так или иначе.

В его «так или иначе» сквозило неприкрытой угрозой. Инга ничего не понимала. Будучи уверенной, что именно Иван Дмитриевич послал мужчину по ее душу, она вдруг осознала, что сама придумала себе теорию, в которую быстренько поверила, не сопоставив элементарные вещи.

Да, он сбил ее на машине. Он скорее всего безумно богат, о чем говорит его высокомерие, наглость и выпячиваемая наружу циничность.

Но мало ли таких мужиков в принципе?

И потом, если бы ее хотели убить, скорее всего она лежала бы сейчас на холодной каталке, укрытая серой простыней по самую макушку, а не разъезжала бы в инвалидном кресле под управлением потенциального убийцы.

– Я думала он вас послал. – От неожиданности Инга не успела ничего продумать и выдала чистую правду.

Коляска остановилась. Мужчина обошел ее по дуге и присел возле Инги на корточки.

Инга постаралась натянуть и без того длинную юбку ниже, хотя, ее чести вряд ли что-то угрожало.

– Никогда не смей ставить меня с ним в один ряд. Поняла?

Она не понимала, но кивнула. Лучше согласиться. Пусть он успокоится и, наконец, отвяжется от нее.

Понимание, что перед ней совершенно посторонний мужчина, в корне меняло ситуацию. Странно, но даже связывая его с Иваном Дмитриевичем Рудым, Инга ощущала себя куда спокойнее. Она по крайней мере могла предполагать, что ей ждать. Теперь же в голове маячила полная неразбериха.

– Будет еще одна просьба. Обещай не пугаться и не дергаться. Хорошо?

– Как я могу обещать, не зная, что вы потребуете? Может велите мне спрыгнуть с моста в реку.

– Откуда в твоей симпатичной головке столько мусора? – Мужчина поднялся на ноги, посмотрел на Ингу сверху вниз. – Ничего ужасного не попрошу. Но и ты, будь так любезна, отнесись к просьбе с пониманием и не задавай лишних вопросов.

– Я постараюсь, – искренне пообещала Инга. – Говорите.

– Можно я возьму тебя за руку?

– Что? – Она ожидала чего угодно, да даже осуществления своего же предположения про мост и реку, но никак не этого. – Зачем вам это?

– А я ведь попросил. Просто дай мне свою руку. Обещаю, что не стану ее ломать.

– Очень смешно. – Инга с опаской протянула ему ладонь.

Аккуратно, словно боясь обжечься, мужчина сначала коснулся ее кожи самыми кончиками пальцев, потом более уверенно обхватил их, слегка сжимая, не до боли, но довольно крепко.

– Ничего не понимаю, – пробормотал он, возвращаясь на исходную позицию, чтобы толкнуть коляску вперед.

– В каком смысле? – Ингу распирало любопытство, которое никто не спешил удовлетворять.

– Нужно возвращаться, мы явно заехали в тупик.

Глава 3

Стоя у двери своей квартиры, Инга долго не могла усмирить колотящееся сердце. Слишком много эмоций для одного дня. Оказывается, до сих пор у нее была прекрасная спокойная жизнь, а она-то дуреха еще сетовала на рутину. Теперь бы многое отдала за возвращение той самой рутины, лишь бы забыть все происходящее, как страшный сон.

Когда ей выдали снимок, сообщив, что никакого перелома нет и просто придется провести пару дней дома, не давая нагрузки на ногу, она успокоилась и спешно начала прощаться с мужчиной.

– Я подвезу вас до дома, – настойчиво и безапелляционно заявил он.

Инга ожидала, что ее снова понесут на руках. Хотела и боялась таких своих желаний. Ее же просто взяли под руку и помогли пройти до машины, где даже дверь перед Ингой не открыли. Желание развернуться и отправиться к автобусной остановке, она в себе подавила лишь потому, что вряд ли смогла бы пройти без посторонней помощи. Пришлось усаживаться самостоятельно, под аккомпанемент телефонного разговора, водитель даже не смотрел на свою пассажирку, обсуждая с кем-то поставки бруса.

Папа Карло недоделанный!

Стоило Инге разместиться на сидении, как машина сорвалась с места, а водитель даже не удосужился убрать трубку от уха. Инга снова разозлилась. Сразу стало понятно, как его красный монстр оказалась на тротуаре.

Она не позволила ему подъехать к подъезду, не хватало еще чтобы пошли разговоры, попросила остановить метра в двадцати от дома.

– Смотри, я ведь могу и галантным быть, если потребуется, – заглушив двигатель и развернувшись к ней, сказал вдруг мужчина. – Меня, кстати, Тимур зовут. А то мы так и не познакомились.

– Ответила бы, что мне приятно, но не привыкла обманывать людей. – Инга вздернула нос. Ей хотелось думать, что в его глазах она выглядит взрослой и убедительной, но судя по ухмылке на небритом лице, фокус не удался.

И зачем вообще ей казаться для него кем-то, кем она не является? Уже не потому ли, что мужчина едва ли не вдвое старше нее и Инга вполне могла быть ровесницей его собственной дочери или хотя бы младшей сестры. А значит и воспринимать ее он станет соответствующе.

Удивительные вещи творились в ее голове. Для чего, спрашивается ей вообще думать, как она выглядит со стороны для совершенно постороннего мужчины? Неприятного ей и даже отталкивающего.

Потянувшись, чтобы открыть дверь машины, Инга ощутила, как ее плечо сжали его пальцы. Совсем не сильно, но настойчиво. Резко обернулась и увидела, что он протягивает ей несколько крупных купюр.

– Что это? – Инга смотрела не на купюры, а в глаза мужчины и снова видела перед собой беспринципного хозяина жизни, привыкшего решать любые вопросы на языке денег. – Вы пытаетесь меня купить?

Первой его реакцией стало удивление. Оно хорошо читалось на холеном лице, похоже, он совсем не умеет скрывать эмоции. Или просто не считает нужным делать этого при ней. Никто ведь не станет держать себя в руках при встрече с бомжом, например. Обязательно состроит презрительную гримасу, брезгливо и показательно зажмет нос. Инга не была бомжом, но в иерархии личных контактов для таких как этот Тимур, она вряд ли поднялась выше. Разве, что одета прилично и не воняет.

После последовал смех. Обидный, уничижительный, надменный. Мужчина смеялся, запрокинув голову, его кадык дергался вверх-вниз по покрытой щетиной шее, а Инга едва

сдерживала себя, чтобы не врезать по нему ребром ладони. На курсах самообороны, которые она когда-то посещала, говорили, что так можно на время обезвредить нападающего на тебя злоумышленника.

Она так и не попробовала проверить знания на практике, даже на тренировке не сумела отработать прием, хотя и видела, как другие девушки и женщины с каким-то садистским удовольствием лупили несчастный манекен. Занятия в итоге пришлось оставить. Она уходила, понуриив голову и получив наставление от тренера купить электрошокер.

– Куколка, никогда бы не подумал, что ты такая юмористка, – наконец успокоившись, сказал мужчина. Его глаза влажно блестели от выступивших слез. – Повтори еще раз, что я хочу сделать? Ну, пожалуйста, для меня. Я даже накину пятерку, ради такого.

– Да пошел ты, козел! – не выдержала Инга и дернула ручку, желая открыть дверь и поскорее выбраться из машины, где ей стало невыносимо душно.

Дверь никак не открывалась, Инга нервничала, снова и снова дергая непослушный замок. Когда ей все же удалось и дверь распахнулась, оказалось, что ее уже ждут.

Ей протягивали руку, предлагая помочь. Оказывается, она не заметила, когда водитель покинул салон и обойдя машину, открыл дверь снаружи.

– Мир?

– Что?

– Куколка, не заставляй меня извиняться, – сквозь зубы прошипел мужчина, – не настолько я виноват перед тобой, чтобы еще и выслушивать оскорбления. Денег я тебе предложил в качестве компенсации за моральный и физический ущерб. Если мало, скажи, я добавлю. Только не нужно строить из себя святую невинность. Еще ни одна баба не отказывалась от халявного бабла. Не делай мне мозги, договорились?

Инга положила свою ладонь в его и пожалела, что у нее нет острых когтей, которыми можно было бы вцепиться в кожу, расцарапав в кровь. На помощь согласилась только потому, что представила, как долго будет выбираться сама, а за этим не заржавеет, еще догадается на телефон начать снимать и показывать потом своим друзьям богатеям, как сбил на тротуаре лохушку, а после всячески над ней изгалялся.

– Возьмешь деньги? – спросил настойчиво, когда Инга стояла перед ним. Он будто специально перекрыл ей дорогу, возвышаясь скалой. – Последний раз предлагаю, потом не проси.

– Нет, – твердо заявила она. – Представьте себе, есть еще бабы, которые не ведутся на бабло. Отдайте их своей очередной куколке, суньте в трусы или куда вы привыкли совать ваши взятки за чужую благосклонность.

– Зубастая куколка, – плотоядно улыбнулся мужчина. – Знаешь, ты мне даже нравишься. – Убрал деньги в карман брюк и отодвинув Ингу в сторону, наклонился к машине. Покопавшись в бардачке достал визитку, протянул черный прямоугольник с выгравированными на нем серебряными буквами.

«Сноб» – подумала Инга, вслух же ничего не сказала.

– Я ищу помощницу, а ты обмолвилась, что находишься в затруднительном положении. И, если я правильно тебя понял, тебе лучше бы принять мое предложение.

– Все, что я говорила сегодня, считайте бредом и последствием шока. А если еще раз назовете меня куколкой, врежу по самому важному, что у вас есть. Одна нога у меня вполне здорова.

– Как скажешь. – Мужчина поднял руки в примирительном жесте. – Но, если все же решишь, позвони через недельку, думаю к тому времени уже сможешь передвигаться нормально. Только запомни, когда будешь звонить, уже тебе придется убедить меня, чтобы я тебя взял. – Выдержал паузу, добавил: – На работу.

Инга вспыхнула, с трудом подавив в себе желание залепить пощечину лощенной физиономии. Слишком часто у нее стало возникать желание кого-то покалечить. При чем кого-то совершенно конкретного.

Не прощаясь, она поспешила домой. Хотя, «поспешила» применимо к ней выглядело в тот момент скорее, как насмешка. А этот гад еще и посигналил вслед, отчего Инга вздрогнула, едва не подскочив на месте.

– Ты чего тут стоишь? Ключи забыла? – Мама открыла дверь, удивленно посмотрела на замершую дочь. – Проходи, у нас гости.

Обычно мама радовалась гостям, но после того, что случилось с папой, появление в их квартире посторонних людей начало вызывать горькие ассоциации.

– Кто там? – спросила Инга, присев на шкафчик для обуви и стараясь не показать, как ей больно, но мама, разумеется, заметила повязку.

– Что случилось? – тут же захлопотала она. – Инга, тебя кто-то обидел? Что с ногой?

– Все нормально, мам. – Она постаралась, чтобы улыбка не получилась слишком уж вымученной. – Просто неудачно оступилась, врач сказал перелома нет. За пару дней все пройдет.

– Хорошо, – вздохнула мама, – давай помогу снять туфли.

– Не нужно, спасибо. Ты сказала у нас гости. Кто пришел? Тетя Галя?

– Нет, милая, – чуть замешкалась мама, – на кухне Иван Дмитриевич. Мы обсуждаем наше... гм, дело. Поздороваемся или я могу сказать, что тебе не хорошо.

Инга видела, как мама старается огородить ее от неприятностей и в любой другой ситуации приняла бы ее заботу с благодарностью.

Но не сегодня.

Маме и так непросто справляться со всем одной. Ей нужна помощь и Инга просто не имеет права отказать ей.

– Мам, ты иди, – она взяла шершавую руку женщины в свою, – я приведу себя в порядок и присоединюсь к вам. Хорошо?

– Конечно. – Инга видела подступившие слезы к маминым глазам, и сама едва не разрыдалась, поэтому отпустила руку и кивнула.

В ванной она все же не выдержала, расплакалась. Зеркало отразило покрасневшие глаза, мама точно догадается. Пришлось умыться ледяной водой, дабы хоть немного скрыть следы слез.

Почти получилось.

Улыбнувшись своему отражению, Инга, стараясь не сильно наступать на больную ногу, прошла на кухню.

Мама стояла к ней спиной, разливала чай по чашкам. Иван Дмитриевич поднялся навстречу, едва заметно кивнув в знак приветствия. Инга поздоровалась в ответ.

– Анфиса Павловна, голубушка, вы не оставите нас наедине?

Мама вздрогнула, хотя, Иван Дмитриевич говорил сугубо вежливо, даже ласково.

Ингу раздражали его старомодные манеры в речи и поведении, потому как выглядели фальшивыми и плохо отрепетированными. Тем самым мужчина видимо пытался подчеркнуть свой солидный возраст и высокий статус, но почему-то выбрал совершенно проигрышный вариант демонстрации этих качеств. Если с ним работает имиджмейкер, тогда грош цена такому специалисту.

Одежду «достопочтенный господин» выбирал соответствующую транслируемому образу. Неизменный костюм тройка с торчащей вершинкой носового платка из нагрудного кармана и дурацкая цепочка, прикрепленная карабином к специальному креплению на жилете. Цепочка ныряла под пиджак, где находились круглые, массивные часы.

Не хватало только пенсе и трости с набалдашником.

– Инга, у тебя ведь нога болит. – Мама улыбалась виноватой улыбкой, будто она лично избила дочь и теперь испытывала муки совести. – Тебе хорошо бы полежать. Иван Дмитриевич...

– Я попросил вас выйти, Анфиса Павловна, – голос мужчины сделался холоднее стали, и Инга уже сама попросила маму оставить их наедине.

– Что с вашей ногой, прелестница? – Снова мед и елей от которого аж на зубах скрипит. – Могу ли я помочь вам?

– Вы ведь не врач. – Инга удивленно воззрилась на собеседника. – Чем можете мне помочь?

– Я очень многое могу, дорогуша. Как излечить, так и покалечить.

Как-то быстро он снял маску «добротного дядюшки» и даже забыл о стилизации речи. Чем-то Инга его разозлила. Неужели он так остро отреагировал на ее ответ?

– Мы с Анфисой Павловной побеседовали и пришли к неутешительному выводу. Вы никак не успеете выполнить взятые на себя обязательства. Я огорчен и поверьте, был бы счастлив простить столь приятным дамам эту нелепейшую ошибку. Но, увы, не могу.

– Вы пришли сообщить нам об этом лично? Могли бы позвонить. Зачем утруждаться?

Ингу буквально трясло. Внутри нарастало напряжение, готовое вырваться самой настоящей истерикой. Дыхание стало поверхностным и частым.

– Тише, дорогуша. Тише. – Иван Дмитриевич положил руку ей на колено и сразу убрал. Но Инге показалось, что на коже остался мерзкий отпечаток. Она даже специально посмотрела, только бы убедиться, что это не так.

– Зачем нервничать раньше срока? У меня есть для вас предложение, от которого, я уверен, вы не откажетесь.

Инга встала, ногу прошило болью, пришлось сжать зубы, лишь бы не показать, насколько ей плохо. Сделала несколько коротких шагов, настезь распахнула окно, впервые порадовавшись крохотным габаритам их кухоньки.

Она жадно глотала воздух, буквально пила его и будто не могла напиться.

Даже не услышав предложения, она уже испугалась его. Ничего хорошего от этого человека ждать не приходилось. Инга знала о его репутации и о тех делах, которые проворачивает distinguished Иван Дмитриевич Рудый. Знала и была готова пойти на многое, ради мамы. Ради их будущего.

Но что если он скажет... Нет, даже представлять такого не хочется!

– Инга, вы побледнели. Может подать вам воды?

– Ничего не нужно. Просто душно, голова закружилась. Я хочу услышать ваше предложение.

– Вот и славно, дорогая. Я не сомневался в вашем благоразумии. – Рудый разве что не потер ладони, как мерзкая жирная муха. В его глазах вспыхнуло адское пламя, из которого он совершенно точно был рожден. – Присядьте, так нам будет удобнее беседовать. Да и вам не стоит нагружать ногу.

Инга села, догадываясь, что лучше не перечить. Никто не знает какая мелочь выведет из себя Рудого.

– Может чаю? Ваша матушка заваривает вкуснейший чай.

– Иван Дмитриевич, я ценю ваше время, – не сдержалась Инга, – прошу и вас ценить мое.

– Редкое сочетание красоты и сообразительности. Bravo! Но чаю все же выпьем.

На этих словах он поднялся с едва слышным кряхтением, все же возраст брал свое, вылил уже готовый напиток из чашек, ополоснул их и налил новый. Инге казалось, что он издевается или нарочно тянет время, чтобы довести ее до точки кипения.

Грязный манипулятор.

– Так вот какое у меня предложение, – отпивая чай и ставя на стол чашку, наконец заговорил он, – я прощу ваш долг, с одним лишь условием.

Сердце Инги кажется остановилось. Она вся превратилась в одно огромное ухо, готовое слушать.

– И условие простое. Вы поработаете на меня, и я спишу всю сумму, так скажем, в счет вашей заработной платы. Как вы смотрите на подобную перспективу? Всего три месяца службы, и вы ничего мне не должны. После, если захотите, сможете остаться и уже зарабатывать, как остальные мои сотрудники.

Меньше чем за час сразу два мужчины предложили ей работу. У Инги даже невольно вырвалось:

– Хотите нанять меня своей помощницей?

– Интересный ход мыслей, но нет, – вежливо обозвал ее дурой Рудый. – Помощники у меня имеются и новых нанимать я не планирую.

Инга помнила, как в один из своих визитов, буквально на следующий день после того, как их покинул папа, Иван Дмитриевич заявился к ним в квартиру в сопровождение двоих мордоротов, с трудом разместившихся в прихожей. На кухню они и вовсе не смогли войти, оставшись стоять снаружи. И уже в следующий раз «помощники» остались на лестничной клетке. Сегодня Рудый почему-то пришел один.

– Я предлагаю вам должность администратора в одном из своих клубов.

Смысл сказанного не сразу дошел до Инги. Она даже думала переспросить правильно ли услышала, но опасалась, как бы мужчина не передумал.

Не в силах поверить в свалившееся счастье, Инга на эмоциях едва не обняла Рудого, замершего в ожидании ее ответа.

– Я с большим удовольствием принимаю ваше предложение, – искренне обрадовалась она, чувствуя, как в районе желудка рассасывается огромный камень. – Спасибо!

– Благодарить меня будете позже, пока рано, – загадочно произнес мужчина, но Инга не обратила на это никакого внимания, оглушенная радостной новостью. – Завтра я пришлю к вам своего поверенного для подписания необходимых документов. Можете смело оспаривать любой пункт, но настоятельно рекомендую подписать все, что он попросит.

Инга с мамой завтракали на кухне, когда в дверь позвонили. Не сговариваясь они переглянулись и, мама пошла встречать раннего гостя. Звонок нетерпеливо повторился, когда мама уже была в прихожей и в груди Инги кольнуло беспокойство.

Минувшей ночью она впервые спала безмятежно, не вздрагивая от подозрительных звуков, не вскрикивая после приснившегося кошмара. Она была абсолютно спокойна, будто все плохое давно позади и прежняя жизнь наконец-то входит в привычное русло.

Чего нельзя было сказать о маме.

Из спальни она вышла позже Инги, сонная и помятая, с красными, воспаленными глазами. Сразу же подошла к плите, чтобы приготовить кофе и омлет, не позволив дочери помогать ей.

– У тебя нога болит, – напомнила мама, – сиди, я сама все сделаю.

– Но я же не ногами готовлю еду. – Инге хотелось шутить и веселиться. Судьба нанесла им сокрушительный удар, но после сжалась и подарила шанс на избавление от тяжелого груза. Почему мама не понимает этого? Все ведь хорошо.

«Все ведь хорошо?» – Инга впервые после вчерашнего разговора с Рудым задумалась над этим.

– О чем вы говорили? – не поворачиваясь к ней, спросила мама. – Я слышала о каких-то бумагах. Что он заставляет тебя подписать?

– Мам, так ты из-за этого не спала? – догадалась Инга и, несмотря на боль в ноге, которая с утра почему-то усилилась, как смогла, подошла и обняла маму сзади. – Он предложил мне работу и обещал простить долг через три месяца. Если я правильно поняла, сегодня к нам придет его человек и мы заверим нашу гм... сделку, официально.

– Какую работу? – плечи женщины заметно напряглись. – Ты знаешь, чем он занимается?

– Знаю. – Голос Инги стал тише, будто кто-то мог их подслушать. – Но, мам, не думаю, что он вот так открыто предложил бы мне стать одной из тех... девушек. Да и потом, разве заключаются в подобных случаях контракты? Иван Дмитриевич сказал, что у него освободилась должность администратора в клубе.

– Садись, омлет почти готов. – Мама убавила огонь под сковородой. – Ты еще можешь отказаться?

– Отказаться? Зачем? Сама знаешь, у нас нет денег, чтобы вернуть их ему. Придется продать квартиру.

– Я поговорила с тетей Галей, она согласилась принять нас на время?

– А потом? Когда ей надоест терпеть нас в своем доме, куда мы с тобой пойдём? На улицу?

От хорошего настроения не осталось и следа. Она ведь старается, как может решает проблему. Почему же мама не хочет просто поддержать ее? Ей тоже страшно. Очень. До дрожи в коленях. Три месяца пролетят не заметно и потом можно будет забыть происходящее с ними теперь, как страшный сон.

Всего и нужно – переждать.

Инга вернулась за стол. Аппетит пропал и запах омлета с ломтиками помидоров, скворчащего бекона и лука, вызывал теперь не желание скорее попробовать кусочек, а лишь болезненные спазмы в желудке.

Инга видела, как подрагивают мамины плечи, как она украдкой вытирает ребром ладони глаза, но не предпринимала попыток подойти и успокоить ее. Пусть сейчас она не понимает решение дочери, может быть даже осуждает и видит в обычном предложении о работе какие-то скрытые мотивы, со временем она примет это. И вот тогда они вместе сядут на этой же самой кухне, обнимутся и наревутся вдоволь, зная, что все плохое позади, все трудности разрешились и можно просто продолжать жить.

Пока же Инга не может ничего изменить и любые слова будут простым сотрясанием воздуха.

– Галя моя сестра, она не выгонит нас. Вспомни, когда от нее ушел Алексей и она не нашла в себе сил жить одной в квартире. Мы тогда даже смогли сдавать свое жилье, перебравшись всей семьей к ней.

– Тогда она в нас нуждалась, – возразила Инга, – потому терпела. И как только нагулявшийся муженек вернулся, мы быстренько собрали свои пожитки. Мам, перестань. Я обещаю быть благоразумной и не ввязываться ни в какие истории. Ты ведь этого боишься?

– Я боюсь, что тебе не оставят выбора.

Мама говорила, одновременно выставляя на стол корзинку с нарезанным черным хлебом, затем тарелки с пышным точно облако омлетом и Инга не сумев удержаться, накинута на еду.

– Я уфе большая и смофу сама... – Омлет был горячим, она открыла рот и размахивала перед ним руками.

– Прожуй, потом скажешь.

– Я уже взрослая и сама могу понять где меня обманывают, – расшифровала Инга свои же слова.

– Все вы так говорите. Но для родителей навсегда остаетесь маленькими детьми, за которыми нужен глаз да глаз. Я очень за тебя волнуюсь, доченька.

Дальше ели молча, пока не раздался звонок. Инга хотела верить, что мама не заметила, как она вздрогнула.

В кухню вошел мужчина, одетый в синюю рубашку поло и светлые джинсы. На ногах мокасины из мягкой даже на вид кожи. Он держал в руках черную папку, которая своим строгим видом диссонировала с его фривольным стилем. Будто он только что подобрал ее и нес вернуть владельцу.

– Доброе утро, – вежливо поздоровался мужчина. – И приятного аппетита. Надеюсь не помешал? Привык, знаете ли рано вставать и решать все важные вопросы до обеда.

За его спиной стояла мама и он, словно почувствовав ее нерешительность, развернулся полубоком, чтобы она могла пройти.

– Позавтракаете с нами? – предложила она. – Есть омлет и бутерброды.

– Не откажусь от кофе, – кивнул мужчина, – услышал его запах еще за дверью.

Мама выдвинула из-под стола табурет для гостя, поставила на стол чашку.

– Инга Антоновна, полагаю вы знаете кто я и по какому вопросу пришел? – с места в карьер начал он, присев на табурет и не дожидаясь ответа, открыл папку. – Иван Дмитриевич поручил мне составить трудовой договор, и я предлагаю ознакомиться с ним прямо сейчас.

– А кофе? – Мама замерла с туркой в руке.

– Под кофе все делать легче и приятнее, – расплылся в фальшивой улыбке гость. – Благодарю.

– Мне, наверное, нужно принести паспорт и трудовую книжку, – засуетилась Инга. – Я сейчас.

– Ничего не нужно, – мужчина накрыл ее руку, лежащую на столе, своей. – Все данные внесены в контракт. От вас требуется только внимательно его изучить и поставить свой автограф. Особенное внимание уделите приложению на последней странице о неразглашении коммерческой тайны. Там все, что касается вашей оплаты и внутреннего устройства клуба, в котором вы займете должность администратора. Вы ведь уже работали на аналогичной должности.

Инга кивнула. Но мужчина не спрашивал, он озвучивал то, что ему и без того было про нее известно.

Она видела настороженность мамы, которая так и стояла с опустевшей туркой, ожидая, когда Инга закончит читать бумаги.

Договор оказался стандартным, по крайней мере он очень походил на тот, что был у нее на прошлой работе. Действительно, Инга проработала почти восемь месяцев администратором, правда не в клубе, а в ресторане, но скорее всего больших отличий на новом месте не будет. Иначе ее бы предварительно подготовили, назначили бы наставника.

Будто подслушав ее мысли, мужчина пояснил:

– Первые десять дней вас будет сопровождать Елена. Она три года занимала должность и быстро введет вас в курс дела. Теперь Лена в положении, поэтому не может продолжать работать.

Отчего-то такое заявление успокоило Ингу и судя по всему не ее одну. Мама наконец поставила турку в раковину и будто бы потеряла интерес к происходящему.

– Где подписать? – наконец спросила Инга, постукивая стопкой листов по столу, чтобы выровнять ее. – И когда я должна выйти на работу?

– Иван Дмитриевич предупредил меня о вашей травме, – сказал мужчина, протягивая ручку в серебристом металлическом корпусе, – поэтому мы готовы дать вам, скажем, неделю. Достаточный срок для выздоровления?

– Вполне.

– Вот и славно. Ваша подпись должна стоять на каждой странице. На последней, пожалуйста, укажите фамилию с инициалами и проставьте сегодняшнюю дату.

Когда с документами было покончено, мужчина поднялся и сославшись на большую занятость, покинул квартиру. На прощание формально пожелал Инге выздоровления и похвалил мамин кофе.

– Скользкий он какой-то, – вернувшись на кухню, покачала головой мама, – вроде говорит все складно, а верить не получается.

– Мамуль, не превращайся в параноика. – Инга поцеловала ее в щеку. Предложила помочь с грязной посудой, но была отправлена отдыхать в свою комнату.

На работу она вышла на пятый день, когда смогла наступать на ногу без болезненных ощущений.

Лена оказалась милой девушкой с открытым лицом и искренними эмоциями. Она быстро рассказала Инге обо всех тонкостях работы, поделилась своими конспектами, которые вела, придя когда-то в клуб и по истечению положенного срока пожелала новой сотруднице удачи, обронив на прощание странную фразу:

– Ты держись тут. Платят в самом деле щедро, но не соглашайся ни на что, чего сама не захочешь делать. Заставлять никто не будет.

Очередная смена подошла к концу, и Инга постеснялась переспрашивать что именно имела ввиду Лена, видя, как нелегко той находиться на ногах почти двенадцать часов в день. Поэтому, просто дала обещание следовать напутствию и обняла девушку на прощание, как близкую подругу.

– Кстати, никаких сантиментов на работе. Здесь как в террариуме, подпустишь не того, кого надо слишком близко, сожрут с потрохами. Но ты вроде не дура, разберешься. Бывай.

Ивана Дмитриевича Инга за все время стажировки не видела ни разу. Лена пояснила, что он не частый гость в своём же заведении, да и проще без начальственного надзора.

Она так и не поняла почему про ее нового руководителя ходят грязные слухи. Клуб оказался самым обычным, а ведь Инга готовилась увидеть бандитский притон, никак не меньше.

Гости сплошь культурные, деловые мужчины в строгих костюмах и с безупречными манерами. Разве, что возраст у всех сорок плюс. Так разве это преступление?

А вот девочки, что танцевали для них, молодые, но опять же никакого отклонения от нормы. Инга присутствовала на собеседовании с одной из них и основополагающим условием для принятия на работу было совершеннолетие соискательницы.

В общем, все шло прекрасно, пока однажды не случилось нечто непредвиденное, выбившее из-под ног Инги твердую почву.

Глава 4

– Тимур, ты меня слушаешь? Вот, глянь.

На стол упала увесистая папка.

– Слушаю, – ответил Тимур, открывая папку и делая вид, что вчитывается в текст. Смысл написанного никак не доходил, мозг отказывался складывать буквы в слова, а те, в свою очередь не желали образовывать связные предложения. – Просто задумался. Что это?

– Практически наша смерть. Если немедленно не предпринять контрмер.

Заместитель смотрел на него голубыми глазами ангелочка, что вкупе с белокурыми кудряшками и смазливим лицом давало почти портретное сходство с купидоном. Разве что немного повзрослевшим купидоном.

– Поясни, – потребовал строго.

– Значит не слушал. – «Купидон» поджал губы, расстегнул пиджак и сел, напротив. – Нашу смету отклонили, Тимур Сергеевич.

– То есть как? – Он уже понимал, что дело труба, ведь заместитель вспоминал его отчество только в самых экстренных случаях, была у него такая особенность. – Я же на прошлой неделе сам подписывал разнарядку, и утвержденная смета висела у меня на почте.

– Висела, – кивнул заместитель, – а сегодня утром позвонили от заказчика и очень мягко предложили нам пойти в задницу вместе со сметой и прочей лабудой. – Тимур, нам крышка. Ради этого объекта нам пришлось отказаться от трех проектов и вряд ли они захотят с нами сотрудничать, даже если не нашли новых подрядчиков.

– Не драматизируй, Володь. – Тимур откинулся на спинку кресла. Ему хватало головной боли и думать о каком-то там сорванном заказе не хотелось. – Позвони Кудрявцеву, пусть уладит.

– Кудрявцева еще на прошлой неделе сняли с должности и по всей видимости поставили своего человечка. Тимур, похоже под нас начали копать. Слишком много всего происходит странного.

– Погоди, как сняли Кудрявцева? Кто тогда у нас в мэрии?

– А никого! – Володя развел руками. – Как я понял, там провели зачистку. Даже секретаршу мэрскую уволили. Вместо нее какая-то тетка сидит, по слухам родственница нашего дорогого Ивана Дмитриевича.

От упоминания одного имени Рудого у Тимура свело челюсти. Какого хрена он вдруг решил напомнить о себе спустя столько лет? Между ними не было никаких обязательств и незавершенных дел, а значит и делить им нечего. Но может так думал только он, а у Рудого, как обычно, имелись свои соображения? Пойти бы и спросить напрямую. Если потребуется, так и вытрясти из засранца информацию.

Вытрясти, оно, конечно, можно, если что его ребятаки справятся. Вот только Тимур понимал, на дворе совсем другое время и вопросы теперь решаются не на стрелке в чистом поле, а в кабинетах высокопоставленных товарищей. Вместо пуль нынче синие печати, острие ножей сменили не менее заточенные языки юристов. Сила теперь не столько в деньгах, сколько в нужных и крайне полезных связях. И его связи кто-то планомерно обрывает, лишая поддержки и опоры.

Что же получается, Рудый откровенно пилит сук, на котором сидит Тимур, а он ни сном, ни духом? А если и так, то зачем? Почему Рудый вдруг решил затеять войну? В том, что начинается именно война, никаких сомнений нет. Только действует старый лис не по правилам, нарушает свои же законы и прет направо, используя запрещенные техники. Рудый никогда не был крысой и сам таких терпеть не мог.

И ведь никаких догадок, разве, кроме одной. Правда, она настолько банальна, что не стоит даже думать. Рудый вряд ли помнит ту историю. Да и не стал бы он ждать столько лет, уже тогда бы отстрелил Тимуру яйца. К тому же ему удалось выкрутиться, хотя осадок оставался еще долго.

– Не кипишуй, Володь, – захлопнув папку, он подвинул ее заместителю, – я подумаю, как поступить. Неприятно, конечно, но не смертельно же. Мы и не через такое проходили.

– Проходили, как же! – Володя судя по всему был настроен совершенно иначе. – Если сейчас не заявить свои права, пришлые решат, что им все можно. Ты знал, что Рудый в городе три борделя открыл под видом обычных стрип-клубов? Еще название такое пафосное «Золотая канарейка» Из золота там разве, что глотки девок, которые у шеста жопами вертят недотрог из себя строят, а в привате на членах скачут.

– Утомонись, без тебя тошно. – Тимур сжал кулаки под столом. – Иди пока. Мне нужно все обдумать.

Стоило Володе выйти, как Тимур схватил телефон и набрал знакомый номер. Гудки тянулись слишком долго, либо ему так показалось, и когда он уже потерял всякую надежду на удачу, ему ответил тихий, точно уставший, голос:

– Слушаю, Тимур Сергеевич. – В трубке закашлялись. – Думал, уже не позвоните.

– Я только узнал. Что произошло?

– Произошел переворот. Одним днем зачистили весь аппарат, без всяких предпосылок.

Кому-то вы знатно встали поперек горла.

– Почему именно я? Может силовики решили показать, что не зря свой хлеб едят. – Ответы собеседника Тимуру не нравились, скорее всего не понравится и этот, но он ждал, до хруста в суставах сжимая кулаки.

– Тимур Сергеевич, вы как ребенок, ей богу! – Снова кашель и неожиданно – смех. Собеседник был пьян. – Они не просто пришли и убрали, но и популярно объяснили, мол, если хоть кто-нибудь попробует вас оповестить, тот сильно пожалеет. Как говорится, ищите кому выгодно.

– Уже нашел, – отрубил Тимур и не обращая внимания на посыпавшиеся вопросы, прервал вызов.

Телефон тут же отозвался знакомой мелодией, но он уже все сказал и больше сказать ему было нечего.

После трех «входящих» пиликнуло эсэмэс с коротким текстом: «Сука ты, Тимур! Нехорошо друзей забывать, еще свидимся»

Угроза ничего не стоила. Тот, кто написал сообщение, уже утром будет извиняться, уверять, что такое не повторится. Было уже не раз. Раньше его собеседник упивался властью и ощущением вседозволенности, теперь же в нем кипели злорадия и страх побитого шакала.

Обязанным Тимур себя не чувствовал и уж точно не причислял к числу друзей данного субъекта. Он вовремя платил за оказанные услуги, ни разу не просрочив и не скрывив. Поэтому теперь просто пойдет своей дорогой.

Может оно и к лучшему!

С одной стороны, Тимур сам давно хотел прекратить их сотрудничество, больше смахивающее на паразитирование. Слишком наглым сделался «помощничек», пасть разевал все шире, сжирал на рубль – делал на копейку.

И все бы действительно было хорошо, любая проблема решаема, если бы подобные дела не происходили у него за спиной и втихаря. И ведь совсем не похоже на Рудого с его принципами. Может Володя ошибся? Может они имеют дело с чем-то иным? Но кто может вот так запросто ввалиться в мэрию и провести там пикировку?

Все сложнее верить, что прошлое не решило вдруг вернуться и еще раз заявить о себе. Такого беспредела Тимур не встречал очень давно. Настолько давно, что успел привыкнуть к цивилизованному и почти чистому ведению бизнеса.

Неужели придется вспоминать прежние навыки?

Кулаки налились стальной тяжестью, заныли подушечки пальцев, в нос шибануло запахом горелого пороха. Захотелось зажать уши, только бы не услышать выстрелов, рвущих пространство, точно неумелая хозяйка застиранную простыню.

Нет, он не поддастся на провокацию! Кто даст гарантию, что Рудый не ждет от него именно такой вот реакции? Как говорил старый лис: «Щенка нужно натаскивать смолоду, иначе зубы окрепнуть не успеют!»

Так вот Тимур давно не щенок и зубы рассекут любую шкуру не хуже скальпеля. Но десны успели приобрести розовый оттенок, смылась с них черная копоть в которую превращалась чужая кровь.

Воевать он не будет.

Новое время диктует новые правила.

Но означает ли такое решение капитуляцию?

Нет уж, Рудый, выкуси!

Тимур долго не решался войти в клуб. Сначала сидел в машине на практически пустой парковке, потом стоял облокотившись на капот и наблюдая за входом, чем привлек внимание секьюрити.

Здесь его снова накрыла волна воспоминаний. И либо Рудый настолько застрял в прошлом, что поставил на входе канонического бритоголового качка, либо сам Тимур придирился к глупым мелочам, чтобы отодвинуть момент, когда все же придется войти внутрь и поговорить со старым приятелем.

Боялся ли он? Конечно, нет. Просто не понимал с чего начинать разговор и приведет ли это хоть к какому-то результату. Возьмет разлюбезный Иван Дмитриевич, да и пошлет его ко всем чертям. Не просто пошлет, но и окажет посильную подмогу в лице все того же качка с плоским, будто отсеченным затылком. В таком черепе мозгу тесновато, зато для дури раздолье.

Качок переминался с ноги на ногу, косился на дверь за своей спиной. Никак у него не получалось обработать в уме сразу две операции. Вроде охранять должен, но тот тип в щегольском костюмчике возле дорогой тачки явно проявляет чересчур пристальный интерес к объекту охраны. Что же ему несчастному предпринять? Бросить пост и поинтересоваться у типа чего он хочет или все же дожидаться, когда тот сам подойдет?

Конечно, Тимур не знал мыслей охранника, скорее развлекался их моделированием, скрашивая себе минуты ожидания и нерешительности. Получалось вроде неплохо. Или наоборот паршиво? Плевать. Лишь бы унять странное напряжение в районе солнечного сплетения. Ощущение кома за ребрами бесило и не позволяло толком сосредоточиться.

Понимание несостоятельности собственного решения потихоньку накрывало Тимура пыльной завесой. Приперся и стоит столбом. А чего, спрашивается, приперся-то? Сам себе не ответишь! Вылитый пятиклашка, услышавший во дворе брошенное в его сторону хлесткое словечко «лох» и ринувшийся разбираться с обидчиком. Ринуться-то ринулся, а чего дальше делать – не понятно. Можно, конечно, в морду дать. И что? Кликуха от такой возни никуда не денется.

Именно таким лохом и ощущал себя Тимур, продолжая играть в гляделки с охраной. Ведь если подумать – сам виноват. О том, что Рудый в городе он знал и даже доходили до него слухи об интересе старика к тем же людям, с которыми Тимур работал. Знал и молчал, не желая привлекать к себе внимания.

Бояться нечего, успокаивал себя Тимур. Не успокаивал даже, скорее пытался доказать, что никакой угрозы просто не существует, настраивал себя на позитивный лад. А раз не существует, зачем настройки и доказательства?

То-то и оно!

Он шестым чувством ощущал приближение подлунки и сам же уверял себя в ошибочности таких ощущений. Не желая войны, никто ведь не мешал ему к ней готовиться. И пусть десны давно не черные, так у Рудого небось вообще зубы повыпали.

Так он и думал, пока Володя не сообщил о кадровых перестановках.

Как же все это было паршиво! Свалился же головняк, когда не решилась еще и другая проблема, о которой и говорить было стыдно. Он даже к доктору ходить перестал, понимая бесплотность попыток. Знамо ли дело, настолько загнал себя, что ловил себя на мыслях поискать какую-нибудь бабку целительницу, пусть пошепчет, может и шевельнется чего.

Ловил и сразу становилось противно, когда представлял, как сморщенная старуха начнет шептать ему в ширинку щербатым ртом и лукаво улыбаться, обещая железный стояк после пары сеансов. Но мысли такие периодически возвращались, снова и снова, вызывая рвотные позывы. Пока не случилось странное. В один из таких рецидивов лицо старухи, зависшее перед внутренним взором восковой маской, вдруг начало расплываться, подернулось дымкой и вот уже перед ним оказалась молодая девушка. Та самая, которую он сбил пару недель назад.

В тот день Тимур ехал, почти не следя за дорогой, за что и поплатился. Не верящий ни в бога, ни в дьявола, но впавший в крайнее отчаяние, он просил чуда и чудо не заставило себя ждать, оказавшись под колесами.

Девчонка, как девчонка, ничего особенного. Симпатичная, но таких миллионы. Однако, она одним лишь своим присутствием смогла сделать то, чего никак не удавалось доктору за много месяцев.

Несколько раз в ее присутствии член не просто приподнимался, он рвался, обещая порвать ткань брюк. Случилось это сразу, когда Тимур помог девахе подняться, а она помогла подняться его уснувшему бойцу. Тогда он ее даже выпустил от неожиданности, роняя на тротуарную плитку. Он и в травму-то ее повез не от широты душевной, хотел проверить, какая реакция будет в дальнейшем.

А никакой. Ни реакции, ни эрекции.

Как Тимур не старался, как не прижимал ее к себе при любом удобном случае, сводя к минимуму границы.

Ничего.

Он даже попросил подержать ее руку там в больнице. Вел себя совсем как озабоченный подросток. Деваха посмотрела на него тогда, как на психа, но ладошку протянула.

Снова провал.

Зато, когда она его возле своего дома отшивала и деньги, предложенные едва ли не в лицо швыряла, в штанах в очередной раз началось представление. Каких усилий ему стоило не завалить ее там же, Тимур до сих пор не представлял.

Это было странно, неожиданно и непонятно.

Он тут же отзвонился Янке, та радостная примчалась, с порога скинув с себя легкий плащик под которым оказался кружевной комплект, от одного вида коего, не скрывающего Янкиных прелестей вскипала кровь.

Только вскипала не там, где надо. Стучала в висках, пенилась в сердце, прилиwała к глазам, окрашивая все в багровые тона. И хоть бы капля опустилась к паху, но нет!

Тимур даже пытался представлять сбитую деваху, пока Янкин язык ласкал его ствол. Ничего не вышло. Даже малейшего импульса не возникло.

Янка обиделась и сказала, что больше не приедет. Хватит с нее ложных вызовов. Она не шалава какая-то, чтобы по первому требованию являться и пялиться на вялый член.

Тимур и сам понимал, как глупо выглядят его попытки, но ничего не мог с собой поделать.

Доктор, услышав его историю, лишь пожал плечами и предположил, что кратковременные проявления эрекции вероятнее всего не связаны с конкретной женщиной, а он просто притянул все за уши.

Тимур уже и сам так думал, но еще не догадывался, что вскоре слова доктора получат опровержение. А пока он набрался решимости и под испепеляющим взглядом бритоголового охранника перешагнул порог заведения с пафосным и пошлым названием «Золотая канарейка»

Глава 5

Когда Инга уже перестала вздрагивать от появления каждого гостя в клубе приехал Рудый. Она-то ждала, что начальство войдет через центральную дверь, а разлюбезный Иван Дмитриевич как оказалось попадал в собственный кабинет исключительно через черный ход. Как проговорилась позже одна из официанток делал он это не просто так, а в целях безопасности. Благообразный старик все еще ждал внезапного нападения, а контролировать незаметную дверку куда проще, нежели помпезную центральную.

Инга будто чего-то почувствовала, а большая нога тут же отозвалась отдаленной болью, когда к ней вальяжно приблизился один из сопровождающих Рудого охранников и мазнув по ней равнодушным взглядом сообщил, что ее хочет видеть босс.

Рудый был в хорошем расположении дух, улыбался и сыпал комплиментами, интересовался здоровьем сотрудницы и искренне поблагодарил за быстрое включение в рабочий процесс.

– Вы, Инга, настоящая находка для моего заведения, – сверкал белоснежными винирами мужчина. – Нисколько не жалею, что пригласил вас и рад, что вы согласились, хотя, с вашими данными могли бы выбрать работенку почище.

– Мне тоже очень нравится у вас работать, – солгала Инга, прекрасно понимая, что и Рудый с ней не искренен. Он буквально вынудил ее принять предложение, а теперь говорит какие-то глупости. – Если вы не против, я бы хотела вернуться в зал, скоро начнется шоу и мне лучше находиться на своем месте.

– Ваше место там, где я скажу, – не переставая сверкать улыбкой, выдал Рудый. – Не подумайте плохого, но я все же ваш руководитель и могу давать вам задания на свое усмотрение. Сейчас я хочу, чтобы вы были здесь и выслушали мое новое предложение к вам. Не буду томить стариковским бубнежом, скажу сразу, я хочу вас повысить.

– Но, Иван Дмитриевич, я не уверена, что моих умений хватит для более высокой должности. Спасибо, конечно, только...

– Если откажетесь, я могу обидеться и не выполнить обговоренные ранее условия, дорогая. – Он наконец- то перестал улыбаться и выглядеть как псих из фильма ужасов. Правда, Инге не полегчало, даже наоборот, она вся будто сжалась в ожидании плохих новостей, которые не заставили себя долго ждать.

– У нас с вами подписан договор, Иван Дмитриевич, – робко напомнила она уже понимая, что той бумажкой можно подтереться, если Руды того захочет. – Я считала вас честным человеком.

– Во-первых, дорогая, ничего не изменилось в нашем договоре. Там не было пункта о прощении мною вашего долга, а лишь стандартный контракт о трудоустройстве. Во-вторых, обвинять меня в нечестности вы не имеете никакого права. За этим вам лучше обратиться к дражайшему папеньке, вогнавшему вас и вашу матушку в кабалу. Кто же знал, что его небольшой бизнес так быстро прогорит, а сам он решит найти выход в петле? Ну-ну, дорогая, не нужно слез. – Рудый встал, обошел Ингу со спины и положил руки ей на плечи, чуть сжав пальцы. – Он не стоит ни единой вашей слезинки. Ваш отец не был мужчиной, так чего о нем горевать? Если бы не он с его тщеславными замашками, сидеть бы вам сейчас на парах в университете, а не со старым ворчуном вроде меня.

– Иван Дмитриевич, не нужно так о моем отце, – рискуя распрощаться с остатками самообладания, попросила Инга. – Не его вина, что бизнес прогорел. Я видела, как он старается, как не спит ночами, как переживает.

Говорить об отце в настоящем времени было непросто. Однако, при этом к ней возвращалось уже позабытое чувство защищенности и покоя, поэтому Инга продолжила:

– Он хороший человек мой папа и я никогда не смогу его возненавидеть.

– Вы уже это сделали, не притворяйтесь, дорогая. – Рудый убрал руки с ее плеч, но остался стоять за спиной. – Меня сложно провести, особенно, если дело касается личных отношений. Меня предавали, совсем как вас, люди, которым я хотел доверять, как самому себе. Вы бы очень удивились, как порой может больно укусить тот, кто еще вчера ел с твоей руки.

Инга перестала понимать ход его мыслей. Рудый явно говорил о чем-то сугубо сокровенном, что совершенно не относилось к ней и ее отцу. Тогда зачем он так говорит?

– А затем, дорогая, – мужчина точно прочитал ее мысли, – что чем раньше вы примите данную истину, тем проще будет вам жить дальше. Вы ведь на все согласны, ради него, не так ли?

– Я хочу помочь маме, – тихо ответила Инга. – Не могу видеть, как она страдает.

– Похвально, дорогая. Свою семью нужно защищать в любой ситуации.

Рудый вышел из-за ее спины, и Инга снова могла видеть его. Отчего-то ей было важно – видеть, словно он был каким-то хищником, притаившимся в засаде и лучше бы не терять с ним визуального контакта.

– А вы не думали, дорогая, что ваша мама будет счастлива лишь тогда, когда свое счастье обретет ее дочь? Поверьте, для родителя нет ничего важнее.

Ингу раздражало его фривольное обращение, но она терпела, понимая, что в ее положении почти нет права даже на повышение голоса, не то, чтобы выдвигать требования и ультиматумы. Нравится ему так к ней обращаться – пусть! Она потерпит, зато потом сможет выдохнуть с облегчением и забыть происходящее теперь, как страшный сон.

– Иван Дмитриевич, почему мне кажется будто вы хотите о чем-то мне сказать, но ходите вокруг да около?

– Вы проницательны, Инга. Тогда к делу. Вы уже знаете какие гости посещают мое заведение, со многими познакомились и общались. Но также вам известно, что некоторых я принимаю лично.

– Да, мне известно это, но пока не понимаю причем здесь я.

– Все очень просто. – Мужчина откинулся в кресле, прикрыл глаза и все равно продолжал наблюдать за Ингой сквозь щелки век. – Один из них хочет с вами пообщаться в, так сказать, неформальной обстановке. Вы понравились ему, дорогая. Буду честен с вами, человек этот очень влиятелен и даже мне приходится улыбаться ему при встрече не из простой вежливости.

– Иван Дмитриевич, вы опять что-то путаете. – Ладонки у Инги моментально вспотели, позвоночник же наоборот будто покрылся инеем. – Я администратор и мне запрещено общение с гостями вне стен клуба. Соответствующий пункт прописан в договоре.

– Договор составляли мои юристы, – усмехнулся он, не открывая глаз, – как-нибудь обойдем неудобные моменты. Соглашайтесь, мой вам совет, не каждый день поступают подобные предложения. Потом станете жалеть, но уже будет поздно, он не попросит дважды.

Наверное, для кого-то все и выглядело бы заманчивым, но Инге почему-то показалось, что от ее решения вообще ничего не зависит. Как бы ей хотелось в тот момент ошибаться!

– Передайте тому человеку, что я польщена, – осторожно начала Инга, – но вряд ли наша встреча возможна. Я не уверена, что могу быть для него интересной.

– Не стоит делать скоропалительных выводов, дорогая, – Рудый теперь смотрел на нее в упор. Разделяющее их с Ингой расстояние растворилось. – Тем более в вашем положении.

– А что не так с моим положением? Я пошла на ваши условия в надежде на вашу же порядочность и честность. Насколько понимаю, договор не имеет особой силы, но ваше слово должно быть крепче чернильной печати?

Она была наверняка, зная куда попадет и на какие точки воздействует. Рудый выпрямил спину, глубоко вздохнул через нос. Руки его оставались под столом, однако Инга могла поклясться, что они сжаты в кулаки.

– Вы умная девушка, Инга, – наконец справившись с эмоциями, выдал он: – В иных обстоятельствах я бы оставил вас при себе и ни за что бы не отпускал. Проблема в том, что сейчас ситуация не благоволит вам и принять предложение все же придется, хотите вы того или нет. Тише! – Рудый поднял указательный палец, видя, что она собирается возразить. – Сейчас я говорю. И впредь уясните, что не стоит меня перебивать. Так вот, дорогая, человек, о котором я говорил уже здесь и вам придется с ним встретиться. Со своей стороны, могу обещать вашу сохранность. Он вас не тронет. Пока не тронет. Будьте умницей и дальнейшее взаимодействие может принести вам обоим взаимное удовольствие. Понимаете, о чем я?

– Иван Дмитриевич, кажется это вы не понимаете, о чем просите меня. – Она хотела вскочить на ноги, броситься прочь из кабинета, но будто приросла к стулу, не имея возможности даже шевельнуться. – Я не проститутка!

– Дорогая, просил я вас в самом начале разговора, теперь уговоры закончились. Вы не проститутка, очень верно подмечено, именно поэтому тот человек так жаждет встречи с вами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.